

УЗОР:
Дочь
Обманутого
Мира

RINA LILY,

Rina Lily

Узор: Дочь обманутого мира

«Автор»

2026

Lily R.

Узор: Дочь обманутого мира / R. Lily — «Автор», 2026

Найя — дочь казнённой королевы и наследница кристальной магии — случайно победила богов, но лишь сломала печать, веками удерживавшую древний народ в заточении. Теперь реальность рвётся на части: разломы пускают в мир тени, культисты жаждут вернуть старых богов, а королевства колеблются между страхом и надеждой. Чтобы спасти мир, Найя должна вплести новый Узор — не силой, а доверием, связав воедино людей и древний народ. Цена — её человечность. Но она не одна: рядом — огненный генерал, морской командир, отравительница, полукровка и девушка, видящая нити реальности. Они станут нитями, а Найя — ткачихой. И вместе сплетут узор, который удержит мир.

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Кристалльная усталость»	5
Глава 2. «Посланники страха»	7
Глава 3. «Огонь и раскол»	10
Глава 4. «Беспокойное море»	12
Глава 5. «Истина под слоями»	14
Глава 6. «Храм без ответов»	16
Глава 7. «Деревня, забывшая магию»	17
Глава 8. «Девушка, видящая нити»	18
Глава 9. «Дрейк и тень Пакта»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Узор: Дочь обманутого мира

Глава 1. «Кристалльная усталость»

Три месяца после победы над богами. Три месяца, которые для Найи тянулись как три года.

Кристаллия больше не сияла — она мерцала. Тонкие трещины, едва заметные глазу, бежали по фасадам дворцов, по мостовым, по витражам тронного зала. Никто не говорил об этом вслух, но каждый, кто проходил мимо, невольно замедлял шаг, будто боялся, что пол под ногами вдруг станет тоньше стекла.

Найя сидела за столом, заваленным пергаментами. Прошения о зерне, жалобы на разбойников, отчёты о налогах, письма от послов, которые не знали, как обращаться к королеве, победившей богов, но не сумевшей победить бюрократию. Перо в её руке дрожало от усталости. Она пыталась вывести одну фразу: «Рассмотреть в приоритетном порядке», — но буквы расплывались, сливаясь в бессмысленные завитки.

— Ваше величество, — тихо сказал советник, стоявший у двери. — Совет ждёт в малом зале. Они хотят обсудить поставки из Аквалора.

Найя подняла голову. В глазах советника не было ни сочувствия, ни раздражения — только вежливое ожидание. Как будто он смотрел на механизм, который должен работать, и не его дело, если механизм скрипит.

— Скажите, что я буду через десять минут, — ответила она, хотя знала, что не встанет ещё долго.

Когда дверь закрылась, Найя уронила голову на скрещённые руки. Всего на секунду. Всего чтобы закрыть глаза.

Она не помнила, как уснула. И проснулась не от будильника, не от крика стражи, а от тишины. Тишины, которая была не отсутствием звуков, а чем-то самостоятельным, тяжёлым, давящим.

Кайэль стоял рядом, склонившись над ней. Он осторожно убрал перо из её пальцев, чтобы оно не оставило чернильного следа на щеке, и поднял Найю на руки, как поднимают ребёнка, который слишком долго играл и теперь спит, уткнувшись носом в рукав.

— Прости, — прошептала она, не открывая глаз. — Я просто... на минуту.

— Ты не обязана быть бодрствующей каждую минуту, — тихо ответил он. — Даже если ты победила богов.

Он отнёс её в покои, уложил на кровать, накрыл пледом. И уже у двери остановился, будто хотел что-то добавить, но не нашёл слов.

А ночью ей приснился не покой. Ей приснилось Око Селарии.

Оно висело в темноте, не на её груди, а отдельно, как маленькая луна. Оно пульсировало — не светом, а ощущением, будто каждая вспышка была словом, которое она не могла слышать целиком. «Это только начало», — шептало Око, и голос его был не чужим, а странно знакомым, словно это говорила она сама, но из будущего — из того, где усталость уже стала привычкой.

Найя проснулась резко, как от толчка. В комнате было темно, только лунный свет ложился на пол узкими полосами. Она коснулась груди — Око было на месте, холодное и тяжёлое, как всегда. Но теперь она чувствовала, что оно не просто украшение, не просто артефакт. Оно было памятью. И эта память хотела, чтобы её вспомнили.

На рассвете она стояла у окна, глядя, как город просыпается. Люди спешили по своим делам, не замечая трещин на мостовых. Они верили, что королева всё исправит. Они верили, что победа над богами — это гарантия спокойствия.

«Они не знают, — подумала Найя. — Они не знают, что иногда победа — это просто снятие пломбы. А под ней — давление, которое копилось веками».

В тот же день она приказала собрать совет не в малом зале, а в тронном — там, где эхо шагов звучало как предупреждение. Когда все собрались, она не стала говорить о налогах и поставках.

— Мы победили богов, — сказала Найя, глядя на лица советников, на их напряжённые спины, на пальцы, сжимающие подлокотники кресел. — Но мир не стал спокойнее. Он стал... обнажённое. Старые раны открылись. И я хочу знать: что мы будем делать не с богами, а с этими ранами?

Советники переглянулись. Кто-то хотел возразить, кто-то — предложить привычный план. Но в их взглядах была не уверенность, а вопрос: «Ты правда хочешь это обсуждать? Прямо сейчас?»

— Я хочу, — твёрдо сказала Найя. — Потому что если мы не начнём чинить трещины сейчас, однажды они станут разломами.

Глава 2. «Посланники страха»

Прошло ровно семнадцать дней с тех пор, как Найя отправила послов в шесть королевств. Семнадцать дней, за которые она успела выучить расписание всех советов наизусть, запомнить, как скрипит половица у левой колонны в тронном зале, и привыкнуть к тому, что тишина в её покоях стала почти невыносимой — она будто требовала от неё каких-то слов, каких-то решений, которых у Найи не было.

Первые ответы пришли из Игнирры и Аквалора — вежливые, почтительные, с обещаниями «рассмотреть возможность сотрудничества». Письма были написаны на дорогой бумаге, с аккуратными завитушками в конце строк, с печатями, которые сияли, словно хотели убедить: «Мы надёжны, мы спокойны, мы на вашей стороне». Но Найя, читая их, чувствовала, как под вежливыми фразами прячется осторожность. Это была не преданность и даже не нейтралитет — это был страх. Страх перед тем, что Кристаллией теперь правит та, кто победила богов.

— Они не знают, чего от меня ждать, — сказала Найя Мираэлю, когда он вошёл в кабинет и увидел, что она снова держит в руках эти письма, будто пытается прочесть между строк то, что не было написано.

Мираэль остановился у окна, где утренний свет ложился на пол золотистыми полосами. Он не спешил отвечать, как всегда, давая словам время осесть.

— Страх — самый упрямый из советников, — наконец произнёс он. — Он не слушает аргументов. Он слышит только то, что подтверждает его правоту.

Из Виринии и Целестара ответов не было вовсе. Ни писем, ни гонцов, ни даже случайных купцов, которые могли бы привезти хотя бы обрывок слухов. Тишина оттуда была не спокойной, а напряжённой, как перед грозой, когда воздух становится тяжёлым и каждый вдох даётся чуть труднее.

А из Абиссара пришёл один свиток — короткий, без подписи, без печати, без даже намёка на вежливость. На нём было всего три слова: «Мы помним». И больше ничего. Найя держала этот свиток в руках дольше, чем все остальные письма вместе взятые. «Помнят» — что? Её победу? Её силу? Или то, что она сделала с богами, которых в Абиссаре когда-то считали защитниками?

Потом начали возвращаться послы. Не все. Из Виринии не вернулся никто. Из Целестара — только один, бледный, с трясущимися руками, в одежде, которая казалась слишком большой для его похудевшего тела. Его привели в тронный зал, и Найя увидела, что он боится не её — он боится собственных воспоминаний.

— Что случилось? — тихо спросила она, не повышая голоса, чтобы не напугать его ещё сильнее.

Он поднял на неё глаза — в них была усталость, которая тяжелее любой раны.

— Они боялись, — прошептал он. — Они боялись даже сказать «нет». Они думали, что если откажут Кристаллии, это будет воспринято как вызов. А если согласятся — как слабость. Они сидели в своих залах и смотрели друг на друга, и в каждом взгляде было: «Пусть говорит кто-то другой. Пусть решает кто-то другой».

Найя кивнула, хотя внутри всё сжималось от горечи. Она не хотела, чтобы её сила заставляла людей прятаться в собственной осторожности.

— Спасибо, что вернулся, — сказала она. — Отдохни. Тебе нужно время.

Когда его увели, Найя снова повернулась к Мираэлю.

— Я думала, что, победив богов, я сниму с них груз, — призналась она. — А оказалось, что я просто заменила одну тяжесть на другую.

Мираэль подошёл ближе и положил руку на спинку кресла, но не сел, будто не хотел занимать слишком много места в её усталости.

— Ты победила богов, но не победила страх, — спокойно произнёс он. — Страх живёт дольше богов. Он прячется в углах, в шепоте, в закрытых дверях. Он говорит: «Если она смогла победить богов, что помешает ей победить нас?»

Найя сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Это была боль, которая помогала оставаться в реальности.

— Значит, мы должны показать им, что я не сжимаю, — твёрдо сказала она. — Что я держу, чтобы не упало.

Мираэль посмотрел на неё с грустной улыбкой.

— Словами это не докажешь, — мягко сказал он. — Нужно время. И нужно, чтобы они увидели, что ты не используешь свою силу против них.

Но времени не было. Потому что в ту же ночь, когда Найя снова уснула за столом — на этот раз с открытыми глазами, глядя на карту шести королевств, где каждое королевство было отмечено маленьким флажком, обозначающим прибытие или отсутствие посла, — Око Селарии на её груди вспыхнуло так ярко, что на мгновение осветило всю комнату.

Свет был не тёплым, как от лампы, и не холодным, как от льда. Он был... живым. Он пульсировал, будто в такт чьему-то далёкому сердцу. И в этом свете Найя увидела не карту, а узор. Тонкие линии, соединяющие королевства, пульсировали, как вены, по которым текла не кровь, а сама ткань реальности. И в одном месте — в Виринии — линия была не пульсирующей, а дрожащей, будто её кто-то дёргал, пытаясь разорвать.

— Что это? — прошептала Найя, проводя пальцем по воздуху, будто могла коснуться узора.

— Это не карта, — тихо сказал Мираэль, который вошёл бесшумно и теперь стоял у неё за спиной. — Это отражение. Ты видишь то, что чувствует Око.

— Оно чувствует боль, — сказала Найя, не отрывая взгляда от дрожащей линии.

— Или предчувствие, — добавил Мираэль. — И то, и другое одинаково опасно.

В ту же ночь она приняла решение: отправить в Виринию небольшой отряд под командованием Рена — не армию, а разведку. Рен был не просто воином; он был потомком древнего лесного рода, который чувствовал землю так, как другие чувствуют дыхание. Если где-то ткань реальности начинала рваться, Рен мог это почувствовать раньше, чем появятся первые трещины.

Она написала приказ, подписала его дрожащей рукой, а потом села писать письмо Эмбер в Игнирру. На этот раз она не просила отчётов и не ждала дипломатичных формулировок.

«Мне нужно знать, что происходит у тебя, — писала она. — Не официальные отчёты. Правду. Даже если она неудобная. Даже если она горькая. Я не хочу строить планы на иллюзиях».

Эмбер ответила быстрее всех. Её письмо пахло дымом и было написано размашистым почерком, будто она писала его на ходу, между приказами и спорами с отцом.

«Двор расколот, — писала она. — Старые лорды шепчут, что Кристальная королева — просто новый тиран. Отец держится, но я вижу, как он устаёт притворяться, что всё под контролем. Я сожгла портрет Пирона в тронном зале. Половина двора аплодировала. Половина — молчала. В этом молчании я слышу угрозу. Если ты думаешь, что победа над богами принесла мир, ты ошибаешься. Она просто дала страху новое имя».

Найя перечитала письмо трижды. Потом положила его на стол, рядом с картой. Линия в Виринии продолжала дрожать, будто пыталась предупредить её о чём-то, что ещё не случилось.

— Страх, — снова тихо сказал Мираэль. — Он не только в словах. Он в действиях. И если мы не остановим его сейчас, он станет силой, которая будет действовать против нас.

Найя кивнула. Она знала, что Мираэль прав. Но она также знала, что остановить страх — это не победить врага. Это убедить тех, кто боится, что бояться не нужно. А это, возможно, было самым трудным из всего, что ей приходилось делать.

На следующее утро она собрала совет не в малом зале, где стены были слишком близкими, а в тронном — там, где эхо шагов звучало как предупреждение, а высокие потолки напоминали, что решения, принятые здесь, будут слышны далеко за пределами дворца.

Советники вошли, рассаживаясь по своим местам, привычно поправляя мантии и переглядываясь, будто пытались угадать, что сегодня будет важнее: политика, экономика или военная стратегия.

— Мы победили богов, — начала Найя, стоя у своего трона, но не садясь на него, чтобы не создавать иллюзию окончательной власти. — Но мир не стал спокойнее. Он стал... обнажённое. Старые раны открылись. И я хочу знать: что мы будем делать не с богами, а с этими ранами?

Советники переглянулись. Кто-то хотел возразить, кто-то — предложить привычный план: усилить границы, увеличить налоги, отправить дополнительные отряды в спорные регионы. Но в их взглядах была не уверенность, а вопрос: «Ты правда хочешь это обсуждать? Прямо сейчас? Когда каждый день приносит новые проблемы?»

— Я хочу, — твёрдо сказала Найя. — Потому что если мы не начнём чинить трещины сейчас, однажды они станут разломами. И тогда никакая армия не сможет их удержать.

Один из советников — пожилой лорд с седыми волосами и усталыми глазами — медленно поднял руку.

— Ваше величество, — сказал он, и в его голосе не было ни вызова, ни лести, только искренность. — Мы боимся не вас. Мы боимся того, что вы не сможете удержать то, что разрушили. Боги были плохими защитниками, но они были... предсказуемыми. А теперь мы не знаем, что придёт на их место.

Найя посмотрела на него и вдруг поняла, что это не обвинение. Это признание слабости. И в этой слабости была возможность.

— Тогда давайте сделаем так, чтобы вы знали, — сказала она. — Давайте не будем обещать, что всё будет хорошо. Давайте пообещаем, что мы будем честны. Что мы будем говорить правду, даже если она неудобна. Что мы будем действовать, даже если не уверены в результате.

Тишина в зале стала другой — не напряжённой, а внимательной. Советники слушали. Впервые за долгое время они не искали подвоха в её словах, а пытались понять, что она предлагает.

— И начнём мы с Виринии, — продолжила Найя. — Там что-то происходит. Что-то, что заставляет Око Селарии пульсировать, а линии на карте — дрожать. Мы отправим туда разведку, а затем — помощь. Не как завоеватели. Как союзники.

Она села на трон, но не откинулась на спинку, а наклонилась вперёд, будто показывая, что готова слушать.

— Кто готов помочь мне составить план? — спросила она.

И на этот раз советники не переглянулись в замешательстве. Они начали говорить. Не все сразу, не перебивая друг друга, но каждый предлагал что-то своё: маршруты, ресурсы, возможные точки контакта, способы избежать эскалации.

Мираэль, стоявший у стены, едва заметно улыбнулся.

— Иногда, — тихо прошептал он, — достаточно просто дать людям почувствовать, что их голос важен.

Найя не ответила, но в её груди, под Оком Селарии, что-то стало чуть легче. Не потому, что проблема исчезла, а потому, что теперь она знала: она не одна.

Глава 3. «Огонь и раскол»

В Игнирре рассвет наступал не постепенно, а резко, как удар меча. Солнце поднималось над горами, заливая город золотым светом, который тут же становился оранжевым, потом красным, потом почти багровым — будто сам воздух был пропитан огнём.

Эмбер стояла на балконе своего дворца, вдыхая этот воздух, который пах гарью, специями и чем-то ещё — чем-то, что она не могла назвать, но что заставляло её сердце биться быстрее. Она любила этот запах. Он напоминал ей, что она жива. Что она может чувствовать. Что она может действовать.

Но сегодня этот запах не приносил ей радости. Сегодня он напоминал о расколе, который рос в её дворце, в её городе, в её душе.

Старые лорды Игнирры не скрывали своего недовольства. Они собирались в тенистых залах, говорили шёпотом, но их шёпот был громче крика. «Кристалльная королева — новый тиран», «Огонь должен быть укрощён, а не прославлен», «Эмбер слишком молода, чтобы понимать, что такое истинная власть».

Король Арон, её отец, пытался сохранить баланс. Он улыбался, кивал, обещал рассмотреть предложения, но Эмбер видела, как его плечи становятся всё тяжелее. Он устал быть мостом между старым и новым.

Однажды утром, когда Эмбер вошла в тронный зал, она увидела, что на почётном месте висит портрет Пирона — бога огня, которому когда-то поклонялись в Игнирре. Его глаза, нарисованные с пугающей точностью, смотрели на неё с укоризной, будто спрашивали: «Ты предала меня?»

Эмбер остановилась. Она не стала кричать, не стала требовать снять портрет. Она просто подошла к нему, сняла со стены и, не глядя, бросила в камин. Огонь вспыхнул, пожирая холст и краски, и на мгновение в пламени мелькнуло что-то, похожее на лицо — искажённое, злое, исчезающее.

— Это — не мой бог, — громко сказала Эмбер, оборачиваясь к залу, где стояли придворные, застывшие в шоке. — Это — лжец. Он учил нас, что огонь — это наказание. Я учу, что огонь — это свет. И тепло. И защита.

Половина зала аплодировала — те, кто верил в новую Игнирру, кто устал от старых догм, кто хотел видеть в огне не угрозу, а силу. Половина молчала — те, кто боялся, что перемены сожгут их привычный мир.

В этом молчании Эмбер слышала угрозу. Не прямую, не явную, но реальную. Она знала, что молчание может быть громче любого крика, особенно когда за ним скрывается готовность действовать.

В тот же день она получила письмо от Найи. Прочитав его, Эмбер долго сидела, держа пергамент в руках, будто пыталась впитать не слова, а саму суть того, что хотела сказать Найя: «Мне нужна правда. Даже если она неудобная».

— Неудобная, — прошептала Эмбер, глядя в окно, где над городом висел лёгкий дым от печей и кузниц. — Это слишком мягко сказано.

Она взяла перо и начала писать ответ. Не официальный отчёт, не сводку событий, а правду. Ту, которую она видела каждый день.

«Двор расколот, — писала она. — Старые лорды шепчут, что Кристалльная королева — просто новый тиран. Отец держится, но я вижу, как он устаёт притворяться, что всё под контролем. Я сожгла портрет Пирона в тронном зале. Половина двора аплодировала. Половина — молчала. В этом молчании я слышу угрозу. Если ты думаешь, что победа над богами принесла мир, ты ошибаешься. Она просто дала страху новое имя. Но я не позволю этому страху управлять Игниррой. Я буду держать огонь под контролем, но не позволю его потушить».

Когда письмо было готово, она запечатала его своей печатью — не королевской, а личной, с изображением пламени, которое не горело, а светило.

Тем временем в Аквалоре море вело себя странно. Леон, капитан флота и один из самых надёжных союзников Найи, наблюдал за этим с нарастающим беспокойством.

Морские существа, которые обычно держались на определённых глубинах, теперь появлялись там, где их никогда не видели. Рыбы, которые должны были плыть на юг, плыли на север. Течения меняли направление без видимых причин. Температура воды падала, хотя сезон был тёплым.

Леон стоял на палубе своего корабля, глядя на воду, которая казалась ему почти чужой.

— Море беспокойно, — сказал он своему помощнику, не отводя взгляда от горизонта. — Словно оно что-то помнит.

Помощник, молодой моряк с живыми глазами и вечной улыбкой, на этот раз не улыбнулся.

— О чём? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил Леон. — Но я чувствую, что оно готовится к чему-то. К шторму. Или к пробуждению.

Он сел за стол в своей каюте и начал писать письмо Найе. Он не хотел пугать её, но и не хотел скрывать правду.

«Море беспокойно, — писал он. — Словно оно что-то помнит. Течения меняются, температура падает, существа ведут себя неестественно. Я отправил разведчиков, но пока нет объяснений. Если у тебя есть какие-то догадки — поделись. Если нет — просто знай, что здесь что-то происходит».

Когда письмо было отправлено, Леон снова вышел на палубу. Море было спокойным, но в этой спокойности было что-то неестественное, как в тишине перед ударом грома.

В Кристаллии Найя получила оба письма в один день. Письмо Эмбер она прочитала первой, и её пальцы сжались на пергаменте, будто она пыталась удержать ту силу, которую чувствовала в словах подруги. Письмо Леона она читала медленнее, будто каждое слово могло раскрыть ей что-то важное.

Когда она дочитала, Око на её груди снова дрогнуло — не вспышкой, а ритмом, совпадающим с ударами её сердца. И ей показалось, что она слышит отдалённый гул — не шум волн, а голос моря, который шептал: «Что-то просыпается».

Она встала из-за стола и подошла к окну. Город жил своей жизнью: люди спешили по делам, торговцы выкрикивали цены, дети бегали по улицам, не замечая трещин на мостовых. Они верили, что королева всё исправит. Они верили, что победа над богами — это гарантия спокойствия.

«Они не знают, — подумала Найя. — Они не знают, что иногда победа — это просто снятие пломбы. А под ней — давление, которое копилось веками».

В этот момент в кабинет вошёл Мираэль.

— Есть новости, — сказал он. — Рен отправил первое сообщение из Виринии. Он нашёл деревню, где магия перестала работать. Совсем. Ни искры, ни капли, ни даже слабого отклика на самые простые заклинания.

Найя повернулась к нему, чувствуя, как внутри всё сжимается от предчувствия.

— Совсем? — переспросила она.

— Совсем, — подтвердил Мираэль. — И Рен пишет, что земля под деревней... пульсирует. Не как сердце, а как что-то..

Глава 4. «Беспокойное море»

В Аквалоре рассвет наступал не как обещание тепла, а как предупреждение. Небо было серым, но не обычным серым, а таким, будто сквозь него проглядывала другая, более холодная реальность. Море не шумело — оно гудело, низким, тягучим звуком, который проникал под кожу и заставлял сердце биться чуть быстрее, чем нужно. Этот звук не был похож на привычный рокот волн: он вибрировал в груди, отдавался в костях, словно море пыталось что-то сказать, но язык его был слишком чужд, чтобы его можно было понять.

Леон стоял на носу корабля, вцепившись пальцами в перила так, что костяшки побелели. Он не был из тех, кто верит в предчувствия, но сейчас он верил в море. А море говорило: что-то не так. Оно больше не было знакомым. Оно стало чужим — не враждебным, но отстранённым, как старый друг, который вдруг начал говорить на забытом диалекте.

За последние три дня они потеряли два малых судна — не в шторме, не на рифах, а просто: вышли из бухты и исчезли. Никаких обломков, никаких следов, только тишина там, где должны были быть крики, всплески, скрип дерева. И самое странное — птицы, которые обычно кружили над кораблями, теперь держались в стороне. Они не улетали прочь, а зависали на границе видимости, будто боялись пересечь невидимую черту.

— Капитан, — подошёл к нему помощник, тот самый молодой моряк, что ещё недавно улыбался. Теперь он не улыбался. В его глазах читалась тревога, которую он пытался скрыть за деловитостью. — Разведчики вернулись. Они говорят, что видели... не рыбу.

— Что значит «не рыбу»? — не оборачиваясь, спросил Леон, хотя уже знал, что ему не понравится ответ.

— Они не знают. Существа, которые двигаются не как рыбы. Не плавниками, а всем телом, будто перекачиваясь. И глаза у них... не там, где положено.

Леон наконец повернулся.

— Где?

— По бокам. Или сверху. Или вообще... нигде. Они говорят, будто видят взгляд, а тела не видят. Как будто само море смотрит на них.

Леон сжал зубы. Это звучало как бред, но бред, который совпадал с тем, что чувствовали все на флоте: море изменилось. Оно больше не было знакомым. И хуже всего было то, что даже самые опытные моряки, те, кто мог по запаху воды определить, какая буря надвигается, теперь пожимали плечами и говорили: «Я такого не видел».

Он спустился в каюту, сел за стол и взял перо. Бумага была плотной, хорошей — той, которую берегут для важных писем. Он знал, кому нужно написать.

«Море беспокойно, — вывел он, стараясь, чтобы почерк был ровным, будто это могло сделать слова менее пугающими. — Словно оно что-то помнит. Течения меняют направление, температура воды падает, существа ведут себя неестественно. Я отправил разведчиков, но пока нет объяснений. Если у тебя есть какие-то догадки — поделись. Если нет — просто знай, что здесь что-то происходит. И это не шторм. Это... пробуждение».

Он подписал письмо, запечатал и передал гонцу, который ждал у двери. Тот поклонился и исчез так быстро, будто боялся, что море может дотянуться и до него.

А потом Леон снова вышел на палубу. И в этот момент море действительно шевельнулось — не волной, а чем-то большим, будто под водой кто-то огромный перевернулся во сне. Вода стала почти чёрной, и в этой черноте мелькнули белые пятна — то ли пена, то ли глаза. На мгновение Леону показалось, что он видит очертания чего-то огромного, скользящего под поверхностью, как тень кита, но только в десять раз больше.

— Держать курс, — тихо приказал Леон, хотя никто не спрашивал. — И не спускать глаз с горизонта. Пусть каждые два часа докладывают о температуре воды и направлении течений. Если заметите что-то странное — сразу ко мне.

Моряки переглянулись, но спорить не стали. Они тоже чувствовали это. Они знали, что сегодня море не прощает ошибок.

Глава 5. «Истина под слоями»

В Кристаллии день тянулся медленно, как будто время решило, что Найе и так хватает тяжести, и не хотело добавлять спешки. Она сидела в библиотеке — не в тронном зале, не в кабинете, а здесь, среди пыльных томов, которые пахли старой бумагой и забытыми тайнами. Здесь стены не требовали от неё решений, а книги не смотрели на неё с ожиданием. Здесь она могла быть просто человеком, который пытается понять, что происходит.

Мираэль вошёл бесшумно, как всегда, и остановился у полки, будто рассматривал корешки, хотя Найя знала, что он не читает эти книги. Он приходит сюда, чтобы быть рядом, когда тишина становится слишком громкой.

— Рен прислал ещё одно сообщение, — сказал он, не глядя на неё. — В той деревне магия не просто не работает. Она... исчезает. Как будто её высасывают. И земля под деревней пульсирует не хаотично, а в ритме, который Рен не может опознать. Он говорит, что это не сердце и не дыхание. Это что-то другое. Что-то, что отзывается на Око.

Найя кивнула, не поднимая головы. Она уже знала: это связано с Оком. Оно снова дрожало на её груди, не ярко, а тонко, будто откликалось на тот самый ритм. Это было не тепло, а вибрация, которая проникала под кожу и смешивалась с её собственным пульсом.

— Расскажи мне про Селарию, — вдруг попросила она. — Не официальную версию. Не ту, что в учебниках. Правду.

Мираэль помолчал. Потом подошёл к столу, сел напротив неё и положил руки на столешницу, будто собирался держать её, если она вдруг начнёт падать.

— Селария была не просто учёной, — начал он тихо. — Она была археологом магии. Она искала не заклинания, а истоки. Она хотела понять, откуда берётся магия, а не как её использовать. И она нашла нечто, что испугало даже её. Она поняла, что семеро богов не создали магию — они канализировали её. Они нашли источник и научились направлять его через себя, как плотина направляет реку. Но плотина не создаёт воду.

— А что создаёт? — прошептала Найя, чувствуя, как слова становятся тяжелее с каждым слогом.

— Сама реальность, — ответил Мираэль. — Или то, что было до неё. Селария называла это «Узором» — не как именем, а как описанием. Это сеть, которая держит ткань мира. Магия — это её пульс. Боги были... узлами. Точками, где Узор стягивался и становился видимым, осязательным, управляемым.

Найя сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Это была боль, которая помогала оставаться в реальности.

— Значит, когда я победила богов... я не уничтожила магию. Я просто... ослабила узлы.

— Да, — спокойно подтвердил Мираэль. — И теперь Узор пытается перестроиться. Но он не умеет этого делать мягко. Он рвётся. Трещит. И там, где он рвётся, магия исчезает или становится... неправильной.

— Деревня в Виринии, — сказала Найя. — Море в Аквалоре.

— И многое другое, чего мы ещё не видим, — добавил Мираэль. — Просто мы пока не знаем, куда смотреть.

— Почему её убили? — спросила Найя, глядя ему прямо в глаза. — Если она знала правду... почему её не защитили?

Мираэль опустил взгляд.

— Потому что правда была опаснее лжи, — тихо сказал он. — Для тех, кто держал власть. Если бы все узнали, что боги — не создатели, а лишь проводники, их божественность рухнула бы. А вместе с ней — вся система. Кто-то решил, что лучше сохранить иллюзию, чем рискнуть всем.

— Кто? — спросила Найя.

— Не знаю, — честно ответил Мираэль. — Селария не успела назвать имена. Она успела только записать: «Они боятся не меня. Они боятся того, что я открою».

Найя встала, подошла к окну. Город жил своей жизнью, не зная, что под ним пульсирует чужая, древняя сила. Люди спешили, смеялись, спорили — и верили, что мир надёжен. Они верили, что королева всё исправит. Они не знали, что иногда исправление — это признание того, что ты сломал что-то важное.

Она коснулась Ока на груди. Оно отозвалось лёгким теплом, будто знало, о чём она думает.

— Если магия — это пульс Узора, — сказала она, не оборачиваясь, — а боги были узлами... значит, моя победа не закрыла рану. Она её вскрыла.

— Да, — снова согласился Мираэль. — Но это не значит, что ты ошиблась. Это значит, что теперь у тебя есть шанс сделать иначе. Не запечатать. Не подавить. А понять.

Найя повернулась к нему.

— Мне нужно увидеть записи Селарии, — твёрдо сказала она. — Всё, что у тебя есть. Даже обрывки. Даже черновики.

Мираэль кивнул.

— Я принесу, — пообещал он. — Но знай: там много вопросов и мало ответов. Селария писала не для того, чтобы всё объяснить. Она писала, чтобы кто-то продолжил.

Когда он ушёл, Найя осталась одна. И в тишине библиотеки она вдруг услышала то, чего не слышала раньше: не голос, не шёпот, а ощущение, будто кто-то очень далеко зовёт её по имени. Не словами — ритмом. Тем самым, что пульсировал под деревней, в море, в Оке.

И она поняла: это не зов. Это предупреждение.

Глава 6. «Храм без ответов»

Храм Лиры в Аквалоре был построен не из камня, а из тишины. Высокие колонны, гладкие стены, пол, отполированный тысячами шагов паломников — всё здесь было устроено так, чтобы голос казался кошунством. Здесь даже шёпот звучал как крик.

Но в последние дни тишина в храме стала другой. В ней появился шёпот. Проповеди звучали жёстче, взгляды становились колючими, а на стенах начали появляться надписи: «Кристалльная королева — дочь убийцы богов». Эти слова были написаны углём, неровным почерком, будто их выводили дрожащей рукой, но от этого они казались ещё более настоящими.

Священник, который служил в храме уже двадцать лет, стоял у алтаря и смотрел на эти надписи, не зная, плакать ему или проклинать. Он верил в Лиру, в свет, в порядок. Но он также верил, что истина важнее страха.

Поэтому, когда он услышал, что Кристалльная королева идёт в храм без охраны, он не удивился. Он испугался. Не за себя. За храм. За людей, которые могли сделать глупость, думая, что защищают веру.

Найя вошла одна. В её руках не было оружия, не было свитков, не было даже цветов. Только тишина, которую она несла с собой, как щит.

Люди в храме замерли. Кто-то хотел упасть на колени, кто-то — закричать, кто-то просто смотрел, не веря своим глазам. В их взглядах читалось всё: страх, гнев, надежда, отчаяние. Они не знали, чего от неё ждать.

Священник вышел вперёд.

— Ваше величество, — сказал он, и голос его дрогнул. — Храм не место для... политики.

— Я не пришла за политикой, — спокойно ответила Найя. — Я пришла спросить.

— О чём? — спросил священник, и в его голосе была не дерзость, а отчаяние.

— О правде, — сказала Найя. — Вы боитесь меня. Я вижу это. Но я не хочу быть причиной страха. Я хочу быть тем, кто поможет его преодолеть. Скажите: чего вы боитесь больше всего?

Тишина стала такой густой, что её можно было резать ножом.

Потом из задних рядов поднялся юный послушник — мальчик лет шестнадцати, с большими глазами и дрожащими руками.

— Правду, — тихо, но чётко сказал он. — Мы хотим правду. Не ту, которую нам говорят, потому что мы должны верить. А ту, которую мы можем понять.

Найя посмотрела на него. И вдруг почувствовала, что этот мальчик — не враг. Он был таким же, как она сама несколько месяцев назад: уставшим от чужих решений, жаждущим смысла.

— Правда в том, что я не знаю всего, — призналась она. — Я победила богов, но не победила хаос, который они оставили после себя. И я не обещаю, что всё будет хорошо. Я обещаю, что буду честна. Что я буду искать ответы. И что я не позволю страху управлять нами.

Священник медленно опустил голову.

— Это... больше, чем мы ожидали, — прошептал он.

— Меньше, чем нужно, — ответила Найя. — Но это начало.

Она повернулась, чтобы уйти, но у дверей остановилась.

— Если у вас есть знания, которые могут помочь — поделитесь ими. Даже если они кажутся незначительными. Сейчас каждая деталь важна.

И, не дожидаясь ответа, она вышла. Солнце ударило по глазам, и на мгновение ей показалось, что мир стал чуть светлее. Не потому, что страх исчез. А потому, что кто-то решился его назвать.

Глава 7. «Деревня, забывшая магию»

Деревня называлась Лирен. Когда-то она славилась своими целителями, которые лечили травами и заклинаниями, и своими кузнецами, которые умели придавать металлу не только форму, но и силу. Здесь даже хлеб был особенным: его пекли с добавлением заговоренной соли, чтобы он дольше не черствел. Теперь в Лирене не горело ни одно магическое пламя, не цвели зачарованные сады, не звенели заговоренные подковы. Магия исчезла, как исчезает свет, когда гаснет лампа. Только здесь не было лампы. Здесь не было источника.

Рен шёл по деревне, чувствуя, как земля под ногами отзывается на каждый его шаг не как почва, а как живая поверхность. Она дышала. И этот вдох был тяжёлым, болезненным, будто земля пыталась удержать что-то внутри себя и от этого задыхалась.

Старики сидели у домов, глядя на свои руки, будто ждали, что магия вернётся сама. Дети бегали, не замечая тишины, потому что не знали, какой она должна быть. Для них мир всегда был таким — без искр, без свечения, без чудес.

Рен опустил на колени и приложил ладонь к земле. И тогда он почувствовал это — не биение, а вибрацию. Не живую, но и не мёртвую.

«Не мёртвое, — подумал он. — Спящее. И оно просыпается».

Он встал и подошёл к колодцу — единственному месту, где ещё должна была быть магия: вода в Лирене всегда была заговоренной, чтобы не портиться. Но теперь она была просто водой. Холодной, чистой, но пустой.

Рен зачерпнул её ладонью и поднёс к губам. И в тот момент, когда капля коснулась языка, он увидел вспышку — не глазами, а чем-то глубже. Он увидел, как под деревней тянется сеть, похожая на корни, но не корни. Это были нити. И они пульсировали.

Он резко отдёрнул руку.

— Что это? — прошептал он, обращаясь не к людям, а к земле.

Ответа не было. Но вибрация усилилась. Она стала такой сильной, что Рен почувствовал, как дрожат его зубы.

В ту же ночь Рен отправил сообщение Найе: «В Лирене магия не исчезла. Её перекрыли. Под землёй что-то просыпается. И оно связано с Узором. Я не знаю, как это остановить. Но знаю, что если оно проснётся полностью — деревня станет разломом».

Когда Найя прочитала это письмо, Око на её груди вспыхнуло так ярко, что осветило всю комнату. И она поняла: они больше не могут ждать.

Глава 8. «Девушка, видящая нити»

Дорога из Лирена в Кристаллию была долгой и извилистой. Она петляла между холмами, пересекала мелкие реки и терялась в лесах, будто сама не знала, куда ведёт. Рен ехал верхом, но большую часть пути шёл пешком, ведя лошадь под уздцы. Ему нужно было чувствовать землю.

На третий день пути, когда солнце уже клонилось к закату, он встретил её. Она стояла на опушке леса, будто ждала его. Девушка лет семнадцати, с длинными тёмными волосами, заплетёнными в косы, и глазами, которые казались слишком большими для её лица. Она не смотрела на Рена. Она смотрела сквозь него.

— Ты чувствуешь это, — сказала она, не спрашивая, а утверждая.

— Чувствую что? — спросил Рен, хотя уже знал ответ.

— Пульсацию. Под землёй. В небе. В тебе.

Рен остановился.

— Кто ты?

— Меня зовут Ирис, — ответила она. — Я вижу нити.

— Нити? — переспросил Рен, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Да. Все живые существа связаны нитями. Они невидимы для большинства, но я их вижу. Они светятся. Они пульсируют. Они переплетаются. И сейчас они... рвутся.

Рен посмотрел на неё внимательнее.

— Ты знаешь, что происходит в Лирене?

— Знаю, — кивнула Ирис. — Там одна из нитей стала слишком толстой. Она тянет на себя силу из других. И если она прорвётся... будет разлом.

— Как его остановить? — спросил Рен.

— Не знаю, — честно ответила Ирис. — Но я могу показать, где узлы. Где нити переплетаются. Может быть, там есть способ.

Рен долго смотрел на неё, взвешивая слова, мысли, чувства. Потом кивнул.

— Пойдём со мной, — сказал он. — Найя должна это услышать.

Ирис улыбнулась — не радостно, а устало, будто знала, что впереди их ждёт не праздник, а испытание.

— Я пойду, — сказала она. — Потому что кто-то должен видеть нити. Иначе мир запутается в них и задохнётся.

Они двинулись дальше.

Глава 9. «Дрейк и тень Пакта»

Найя стояла перед монолитом, под которым был запечатан Дрейк. Камень не был просто камнем — он жил, пульсировал, дышал чужой, тяжёлой волей. По его поверхности бежали руны, то вспыхивая тусклым багровым светом, то угасая, будто кто-то внутри пытался заговорить, но не мог найти слов. Найя чувствовала эти импульсы не ушами, а кожей, как дрожь, которая начинается в пальцах и ползёт вверх, к горлу, сдавливая его.

Она не хотела сюда приходить. После запечатывания четырёх богов ей казалось, что самое страшное уже позади. Что теперь можно перевести дух, собрать совет, понять, как жить дальше. Но сон, который пришёл к ней прошлой ночью, был слишком ясным, слишком холодным: она видела, как руны на монолите рассыпаются, как из трещин тянется тьма, и голос — не её, не чей-то знакомый, а чужой, древний — шептал: «Ты не победила. Ты только начала».

И вот она здесь.

— Думаешь, победила? — голос Дрейка прозвучал не из-под камня, а из самой тишины, обволакивая, проникая под кожу. — Запечатала четырёх богов. Знаешь, что они удерживали?

Найя сжала кулаки. Пальцы побелели, но она не позволила себе опустить взгляд.

— То, что угрожает миру, — сказала она, и в её голосе прозвучала сталь, которой она на самом деле не чувствовала.

Смех Дрейка был сухим, как шелест мёртвых листьев.

— Угрожает... — повторил он, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. — Ты всё ещё думаешь, что это про угрозу. Спроси Мираэля о Пакте. Он знает. Пусть расскажет тебе, как всё начиналось. Пусть расскажет, почему печать — это не замок, а канат, который держат семеро.

Найя побледнела. В её памяти вспыхнули обрывки легенд: семеро воинов, божественность, жертва. Но никто никогда не говорил, что жертва — это не разовый дар, а постоянная плата.

— Что ты имеешь в виду? — её голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя.

— Печать требует семерых богов. Всех семерых, — спокойно произнёс Дрейк, и в этой спокойной уверенности было больше ужаса, чем в любом крике. — Убери одного — и канат начинает рваться. Убери четверых... — он снова усмехнулся, но в этот раз в смехе не было веселья. — Ты не победила, Найя. Ты начала распускать узел.

Слова жгли, как яд, который она ещё не умела нейтрализовать. Она отступила на шаг, будто монолит вдруг стал слишком горячим.

— Ты лжёшь.

— Спроси Мираэля, — повторил Дрейк. — Спроси и посмотри, как у него дрогнет рука, когда он будет подбирать слова.

Найя развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Но она знала: этот смех будет преследовать её до тех пор, пока она не услышит правду.

Когда она вышла из зала, холодный воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. Коридоры Кристаллии были тихими, почти неестественно тихими. Даже шаги её сапог звучали слишком громко, будто мир затаил дыхание, ожидая, что она скажет дальше.

Мираэль ждал её у дверей библиотеки. Он не выглядел удивлённым. Скорее, он выглядел так, будто знал, что этот разговор неизбежен.

— Он сказал тебе спросить о Пакте, — тихо произнёс Мираэль, не дожидаясь, пока Найя заговорит.

— Да, — коротко ответила она. — И я спрашиваю. Расскажи всё. Без легенд. Без красивых слов. Только факты.

Мираэль медленно кивнул, будто принимая на себя тяжесть, которую давно нёс один.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. И будь готова к тому, что после этого ты не сможешь смотреть на мир так, как раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.